

Алексей ИВАНТЕР

ПРО КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ

* * *

Зерно и жмых, ячмень фуражный... Ползут полторки в Ростов под русский мат многоэтажный и рык голодных животов. Пора! Зовут передовицы на бой за щедрый урожай... Жара! И липнут ягодицы, хоть голым в город поезжай. Горячий пот съедает спины, и жар врывается в окно, где покорители Берлина везут колхозное зерно.

На трудодень дадут чего-то когда-то или может быть. А им бы в город на работу, вот только паспорт раздобыть.

Я слышу скрип и звук моторов сквозь тыщи мелочных примет необъяснимых, без которых, наверно, родины и нет.

* * *

Стоит в степи состав, устав.
И, отражаясь в самогоне,
Среди готовых вспыхнуть трав
В огне вагон на перегоне.

Молчат ночные поезда,
И громыхает за рекою:
Гори, гори, как та звезда
Сто лет тому над Каневскою.

* * *

Бытовку, стройку, проходную,
Завод, стройбазу, мокрый хлеб —
Судьбу обычную земную
Не выбирал я из судеб.
Не при дворе царя Саула,
А в непротопленном доме
Она нашла меня, согнула
По разуменью своему.

Но под молитву майна-вира
Среди разрытых пустырей
Открыл я середину мира
В семи верстах от Снегирей.

* * *

В Ростове старом, двухэтажном, где люд ремесленный в чести, где казачок один отважный скорняжил, господи прости! Где голубей несчетны стаи, а горностаи любят счет, где снег то выпадет, то стает, где Дон течет, среди каштанов и акаций, и рыбников и мясников, задолго до эвакуаций, ночных звонков — там, в полусне провинциальном, томленном летнею жарой, у дома бабки повивальной ночной порой, среди акаций и каштанов и бабьей мелочной журьбы, под свист студентов голоштаных — предтечи классовой борьбы, что водкой травят всю заразу и уважают хром и ял... — чтоб, наконец, закончить фразу, — я не стоял.

Но все отчетливей и ближе через прозрачные века я силуэты эти вижу сквозь дымку легкую пока, спросонья веки поднимаю и без рисовки побожусь, что, кажется, не понимаю, где нахожусь.

* * *

Город, горящий за узкой рекой,
Кто ты такой?
Поле, где дым от межи до межи,
Чье ты, скажи?
Мальчик, поймавший горячий металл,
Кем бы ты стал?
Некто, паркующий ночью авто,
Сам-то ты кто?

* * *

Вспоминается из детства: няня, бабушка, трамвай, руки, липкие от теста, дядя Гриша-Наливай, привокзальные торговки: рыба, ягоды, грибы, в сельской кузнице поковки, кумачовые гробы, то каширская больница, то утопленник в Крыму, ночью польская граница за болотами в дыму. А за черными полями, за Кубанью, за Донцом, камышами, ковылями — ходит девочка с отцом. Со спины себя узнаю, что такое — не пойму, вон я дочку обнимаю девятнадцать лет тому. Вон я с сыном у лощины (отмотало тридцать три)... Без причины от кручины сердце тукает внутри.

Ходишь, бродишь, колобродишь, то покуришь, то попьешь, песню старую заводишь, на окурок поплюешь... То ли жизнь пришла в начало, не доехав до конца, то ли лодку раскачало, ламца-дрица-оп-ца-ца... Подойдет сосед щербатый, крупной соли призащмет... То ли сонный, то ли датый, то ли бог его поймет...

Деревенские пейзажи, плоскодонка да река, и глаза шальные кажет
среднерусская тоска, лес да убранное поле, колоски поспелой ржи,
ничего не надо боле, только водки прикажи, только песню спой такую,
чтобы горло — как в петлю, про любимую, родную, про которую люблю.

* * *

С тупым упорством чрезвычайки,
Хватая мелкую тарань,
Через пролив летели чайки
В жарой томленную Тамань,
Дышали беглая свобода
И дух тимьяна и мочи,
Как в день кровавого исхода
На переправе у Керчи.
И вспомнил я живых и мертвых
И не представленных к звезде,
В шинелях битых и потертых
Плывущих в керченской воде.
Как люди мерзли и тонули
В завесе мелкого дождя,
От мертвой зыби или пули
На дно холодное идя.
Кислы блины в кафе у Мани,
Сладко с Кубани молоко.
Я б выпил горькую в Тамани,
Да больно ехать далеко.

* * *

Чем мы останемся, чем мы останемся,
Если с землею нежданно расстанемся —
Речью горячей — словечком резным,
Воздухом зрячим, бродячим, ржаным?
Слухом ли чистым, недреманным оком,
Спящим за Истрой свинцовым горохом,
Памятью долгой старух слободских
Наших грехов непонятно каких?
Пили мы много, а слушали мало,
Как напевала она и ковала,
Благословляла и тут же кляла,
Была под дых, на поруки брала.

* * *

Позалетошних свадеб затихающий звон
Колокольчиком сзади оббренчался вдогон,
Там, где черная птица над сухою сосной, —
Ничего не случится ни с тобой, ни со мной.
Сквозь июль многотравный ты запомнилась мне
Над рекой лесосплавной в православной стране.
Как свистела цевница сквозь смертей хоровод!
Как горела пшеница в огнедышащий год!
Катерок своедельный скорбных дат посреди
Плыл как крестик прицельный по солдатской груди.
...Так летит над Россией из канав торфяных
Смех летёх, что форсили, взмах платков кружевных,
Белый стерх полудённый, черный ворон ночной,
Мат над баней районной, пар над поймой речной...

* * *

На языке иного века,
Таком понятном и родном,
Поет воронежский калека
За зарешеченным окном.

Кукуй, досужая кукушка!
Свисти, хопёрский соловей!
Живет российская психушка
По конституции своей.

Народец, крепко стереженный,
И санитаров дефиле;
А он нездешний, он плененный,
Случайный путник на Земле.

На стенах вытерта побелка,
Но ведь оттуда сюда
Летит, летит за ним тарелка
С давно оставленной звезды!

И скоро новыми гостями
Опять пополнится дурдом,
Со световыми скоростями
Семь лет летевшими с трудом.

А утром выглянут селяне,
Чуть матовый забрезжит свет,
А на поляне, на поляне
Больницы нет.

* * *

В государстве кузнечиков пахнет войной:
взял сачок и бутылочку мальчик больной,
он играет в морскую пехоту,
он ползет через луг на охоту.

А над лугом гудит, а над лугом ревет,
а в лугу диковатое племя живет,
не отдаст ни травинки без боя,
постоит за горбом нажитое.

...А за лугом ручей сладковатый бежит,
а застреленный мальчик в ромашке лежит,
наклонилась к нему полевица
на горячую кровь подивиться.

И сияет батыр из башкирских степей —
разбиватель оков и гремящих цепей,
охранитель кузнечьего рода
с ВСК на краю огорода.

* * *

В Бенцах на танковой броне
Ивантер Бенья мнится мне,
закопанный войною
за Западной Двиною.
Он мне ни в дедах, ни в отцах —
он немцами убит в Бенцах,
в Бенцах его убило,
там летом жарко было.
Второго ранга воентех
Зябко́ лежит в берегах тех,
и Шешуков убитый,
вдовой не позабытый.
Лежат ладком и млад и стар,
и батальонный комиссар —
посчитаны строною
за Западной Двиною.

Там за Двиною, за Двиной
летают души надо мной,
из боя — над избою,
над речкой голубою...

* * *

Старый дворник выходит во дворик, и, пока умирать не пора, он из Вачи наточит топорик и на речку уйдет со двора. И, раскинув удилища кругом, закурив невозможную дрянь, назовет меня лохом и другом и осудит как полную пьянь.

Он с рыбалки своей неудачной мне как истинный духа мулла принесет для жердины чердачной три плотвицы меньшова мала. Чтоб отныне, вовеки, по-русски, как откупорю, если невмочь, я не пил под слезу без закуски, вспоминая то сына, то дочь. На земле, опаленной любовью, на земле, не сгоревшей в огне, на холодном своем изголовье не лежится тверезому мне.

Горьковата святая водица, но вдали умноженья хлебов тут висит голубая плотвица как последняя милость Его.

* * *

...Из детства помню остановку и запах гари поутру, церковку, бровку и торговку, платки и юбки на ветру. Утюг чугунный, кофеварку, калеки скрипкий самокат. Солянку! Язу! Варварку! Ильинский сад. Там цвел миндаль. Там гули-гули. Там крыш проржавленная жесть. Там все, кого мы помянули, — пока мы есть. Они сидят, гуляют, спорят, едят, читают, водку пьют, в лото играют, шьют и порют, и песни длинные поют. И ночью в мороси столичной я вижу окон дальний свет на остановке у шашлычной, которой нет.

